

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 137
Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданина П.О.Вильке

город Санкт-Петербург

18 января 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина,
Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции
Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и
четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и
99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде
Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части первой статьи 137 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина П.О.Вильке.
Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции
Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Пунктом 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в часть первую статьи 137 УК Российской Федерации внесены изменения, в частности из диспозиции исключены слова «если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан». С учетом этого изменения часть первая статьи 137 УК Российской Федерации определяет состав предусмотренного ею преступления как незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

1.1. Конституционность пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, которым часть первая статьи 137 УК Российской Федерации изложена в новой редакции, оспаривает гражданин П.О.Вильке.

Как следует из жалобы и приложенных к ней, а также дополнительно полученных материалов, приговором мирового судьи судебного участка № 15 Первореченского судебного района города Владивостока Приморского края от 24 сентября 2020 года П.О.Вильке признан виновным в совершении незаконного собирания сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную или семейную тайну, без их согласия. Согласно приговору П.О.Вильке установил на смартфон своего семилетнего сына программное обеспечение (средство родительского контроля), при помощи которого осуществлял прослушивание и аудиозапись событий, происходивших по месту жительства ребенка, проживающего с матерью и ее родственниками.

Аудиозаписи (49 фрагментов продолжительностью до 20 секунд каждый) и их стенограммы П.О.Вильке представил в качестве доказательств в ходе рассмотрения судом гражданского дела о расторжении брака с матерью ребенка, а также в правоохранительные органы с целью привлечения матери ребенка к административной ответственности по части 1 статьи 5.35 КоАП Российской Федерации (производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с истечением срока давности). Суд в мотивировочной части приговора исключил квалификацию действий заявителя в качестве распространения сведений о частной жизни, вместе с тем установил факт незаконного собирания (и последующего хранения) таких сведений.

Апелляционным постановлением Первореченского районного суда города Владивостока от 25 января 2021 года приговор оставлен без изменения. Кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2021 года названное апелляционное постановление отменено, уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение иным составом суда. Первореченским районным судом города Владивостока постановлен оправдательный апелляционный приговор от 13 сентября 2021 года в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Суд указал, что П.О.Вильке установил не запрещенное законом программное средство родительского контроля на телефон малолетнего сына не в целях сбора информации в отношении потерпевших, а для защиты ребенка от предполагаемых противоправных действий его матери.

Оправдательный апелляционный приговор был отменен кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2021 года, и по результатам нового апелляционного рассмотрения вынесено апелляционное постановление Первореченского районного суда города Владивостока от 28 февраля 2022 года, которым обвинительный приговор мирового судьи оставлен без изменения в части квалификации содеянного, при этом осужденный освобожден от отбывания наказания в связи с истечением срока давности.

Кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2022 года указанные судебные решения оставлены без изменения. Кассационный суд исходил из того, что П.О.Вильке действовал с прямым умыслом, направленным на незаконное собирание сведений о частной жизни членов другой семьи (включая содержание их разговоров, характер межличностного общения), и отклонил доводы осужденного о том, что он установил соответствующее программное средство родительского контроля, позволяющее осуществлять прослушивание и запись происходящего вокруг ребенка, на мобильный телефон сына с целью защитить его от негативного отношения матери, а также обеспечить безопасность ребенка.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2022 года отказано в передаче кассационной жалобы П.О.Вильке для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом отклонены доводы кассационной жалобы, в частности о том, что отсутствовал состав преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации, поскольку средство родительского контроля было установлено на телефон его сына, и что в приговоре не отражено, какая именно тайна – личная или семейная – была нарушена. Признана правильной уголовно-правовая квалификация деяния с учетом того, что П.О.Вильке, прослушивая телефон сына, собирал сведения о проживающих с ним лицах, членом семьи которых обвиняемый на тот момент не являлся. С указанным судебным решением согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 11 апреля 2023 года).

1.2. П.О.Вильке требует признать положение пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ не соответствующим статьям 19 (часть 1) и 45 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им внесены изменения в диспозицию части первой статьи 137 УК Российской Федерации. Неконституционность указанных изменений заявитель связывает с исключением ими слов «если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан», поскольку, по его мнению, это не позволяет лицу собирать сведения,

заботясь о ребенке, его благополучии, нормальном психическом и физическом развитии, а также препятствует этому лицу в защите от уголовного преследования даже при отсутствии вредных (общественно опасных) последствий деяния. Также, как полагает заявитель, исключение признаков преступления, характеризующих мотив его совершения и наступившие последствия, расширило объем запрета, предусмотренного статьей 137 УК Российской Федерации, который стал распространяться на действия, совершенные с целью получения информации о благополучии ребенка и обеспечения его интересов, в том числе путем привлечения лиц, нарушающих права ребенка, к административной ответственности.

Формально заявитель оспаривает конституционность положения пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, внесшего изменения в часть первую статьи 137 УК Российской Федерации, а не самой этой нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, которая применялась в уголовном деле с его участием. Принимая во внимание обстоятельства правоприменения и содержание позиции заявителя, Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает оснований для того, чтобы расценивать изложенное как несовпадение примененного и оспариваемого положений, и исходит из того, что, по существу, оспаривается часть первая статьи 137 УК Российской Федерации в действующей с учетом внесенных в нее изменений редакции.

В силу части четвертой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении данного дела не входит в обсуждение того, относились ли полученные заявителем сведения к сведениям о частной жизни лиц, признанных потерпевшими, и составляли ли они их личную или семейную тайну. При этом по смыслу части второй статьи 36, частей второй и третьей статьи 74 указанного Федерального конституционного закона Конституционный Суд Российской Федерации определяет предмет рассмотрения с учетом того аспекта применения оспариваемых положений в конкретном деле, в котором он усмотрел неопределенность в вопросе об их конституционности.

Таким образом, исходя из требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 137 УК Российской Федерации, изложенная в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, в той мере, в которой на ее основании решается вопрос о привлечении родителя несовершеннолетнего ребенка к уголовной ответственности за то, что при использовании установленного на находящемся в пользовании ребенка техническом устройстве программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, позволяющего в течение определенных временных интервалов слышать происходящее в непосредственной близости от ребенка, получать соответствующие аудиозаписи и сохранять их на техническом устройстве данного родителя, им тем самым собираются сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, без их согласия.

2. Конституция Российской Федерации, устанавливая, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 23, часть 1; статья 24, часть 1), не определяет при этом исчерпывающим образом, какой круг сведений о человеке охватывается правом на уважение его частной жизни. Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускаются без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 года № 15-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253-О). Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и

государства, если носит непротивоправный характер (постановления от 16 июня 2015 года № 15-П и от 25 мая 2021 года № 22-П; определения от 16 июля 2013 года № 1217-О, от 22 декабря 2015 года № 2906-О и др.).

Норма же о том, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4, Конституции Российской Федерации), применима к информации о частной жизни только с учетом установленных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации требований и с учетом указания ее статьи 17 (часть 3) о недопустимости нарушения прав других лиц при осуществлении своих прав.

Соответственно, предполагается, что реализация права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом применительно к информации о частной жизни другого лица возможна только в порядке, установленном федеральными законами, которыми в соответствии с требованиями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации определяются как правомерные способы получения такой информации, так и основания, по которым допускается ограничение прав личности, гарантированных статьями 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации и находящихся под особой, повышенной конституционной защитой (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 года № 3-П и от 13 января 2020 года № 1-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 3087-О, от 28 сентября 2021 года № 1739-О и др.).

Таким образом, личное право человека, касающееся определения режима доступа к сведениям о его частной жизни, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты иных конституционно значимых ценностей. При этом осуществляемое законодателем правовое регулирование – исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений –

должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2022 года № 31-П), предупреждая возможные злоупотребления отдельными из них и обеспечивая необходимый и достаточный уровень защиты прав добросовестных участников этих отношений.

3. Правовое регулирование, осуществляемое федеральным законодателем в соответствии со статьями 71 (пункты «в», «м», «о») и 72 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации, призвано обеспечивать адекватную защиту права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В частности, федеральный законодатель правомочен в целях защиты прав, гарантированных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации, установить и соответствующие меры юридической ответственности, в том числе уголовно-правовые санкции за их нарушение.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, в сфере уголовно-правового регулирования – в силу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, основанной на принципе *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), – особое значение приобретает требование определенности правовых норм. Так, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно и

недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

В статье 137 УК Российской Федерации законодатель установил уголовную ответственность за незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

В первоначальной редакции этой нормы уголовная ответственность за такие действия предусматривалась в том случае, если они совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан. Пункт 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ исключил из текста части первой статьи 137 УК Российской Федерации два этих признака запрещенного поведения: субъективный (корыстная или иная личная заинтересованность) и объективный (причинение вреда правам и законным интересам граждан).

Устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, федеральный законодатель может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда – имущественного, организационного или иного – охраняемому объекту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.). Изменение конструкции состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации, с материального на формальный (исключение объективного признака запрещенного поведения, выраженного в его последствиях) является проявлением признания значимости сведений о частной жизни лица,

составляющих его личную или семейную тайну, как охраняемого уголовным законом блага, имея в виду также предполагаемое причинение лицу вреда, влекущего применение уголовно-правовой санкции, самим фактом того, что названные сведения стали объектом противоправной деятельности. Указанное тем более допустимо с учетом того обстоятельства, что собирание сведений в цифровом виде (пригодном для записи на электронные носители) создает благоприятные условия для дальнейшего неконтролируемого распространения таких сведений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года № 25-П и от 28 апреля 2023 года № 22-П).

При этом в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» указывается, что уголовная ответственность наступает за собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами (в частности, от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») оснований для получения, использования, предоставления сведений о частной жизни граждан без их согласия (пункт 1); при решении вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью первой или второй статьи 137 УК Российской Федерации, суду необходимо устанавливать, охватывалось ли его умыслом, что сведения о частной жизни гражданина хранятся им в тайне; с учетом положений указанных норм уголовного закона в их взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 152² ГК Российской Федерации не может повлечь уголовную ответственность собирание или распространение таких

сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле (пункт 2); под собиранием сведений о частной жизни лица понимаются действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например путем личного наблюдения, прослушивания, опроса других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения (абзац первый пункта 3).

Соответственно, и в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, даже с учетом исключения субъективного признака корыстной или иной личной заинтересованности в противоправном поведении, часть первая статьи 137 УК Российской Федерации не предполагает произвольного (необоснованного) привлечения на ее основании к уголовной ответственности и исходит из того, что предусмотренное ею деяние совершается с прямым умыслом.

4. Согласно Конституции Российской Федерации в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2); материнство и детства, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2); дети являются важнейшим приоритетом государственной политики (статья 67¹, часть 4). В силу данных конституционных требований федеральный законодатель должен устанавливать эффективные механизмы, гарантирующие приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних, восстановление нарушенных прав ребенка (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 года № 13-П и от 22 января 2018 года № 4-П).

Регулируя отношения, относящиеся к сфере семейного права, в том числе связанные с защитой семьи, материнства, отцовства и детства (статья 72, пункты «ж»¹, «к» части 1 Конституции Российской Федерации), законодатель установил в Семейном кодексе Российской Федерации права и

обязанности родителей. Согласно данному Кодексу родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей; родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (пункт 1 статьи 63); родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (абзац второй пункта 1 статьи 64); родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, а обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию (абзацы первый и второй пункта 1 статьи 65).

При этом родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (пункт 1 статьи 61 Семейного кодекса Российской Федерации), т.е. в том числе, как отмечено в пункте 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 года, независимо от наличия или отсутствия брака родителей, а также их совместного проживания.

4.1. Само существо отношений любого из родителей и ребенка предполагает такую тесную эмоциональную связь между ними, при которой естественным стремлением родителя является получение информации о том, все ли в порядке в конкретный момент с его ребенком, не находится ли он в опасной или конфликтной ситуации, а также не имеются ли длящиеся во времени обстоятельства, которые негативно воздействуют на его развитие и воспитание, жизнь и здоровье. В силу наличия у родителей прав и одновременно обязанностей защищать права, интересы и безопасность ребенка и вытекающей из них ответственности, а также природы отношений родителя и ребенка любой родитель, не лишенный родительских прав и не ограниченный в них, не должен лишаться возможности обеспечивать

необходимые и достаточные меры защиты несовершеннолетнего ребенка, в том числе прибегая к доступным и не запрещенным законом инструментам.

Программные средства (мобильные приложения) родительского контроля, устанавливаемые и на техническое устройство (как правило, смартфон), находящееся в пользовании родителя, и на техническое устройство, находящееся в пользовании ребенка, относятся к тем доступным инструментам, которые рассматриваются как специально созданные для обеспечения безопасности ребенка, ограждения его от неблагоприятного воздействия. Ряд из них, помимо возможности увидеть местоположение ребенка, получить тревожный сигнал при его нахождении в местах, не относящихся к разрешенным ему для посещения, совершить звонок даже при отключенном звуке сигнала телефона и т.п., позволяет также с использованием штатных (обычных) функций современных технических устройств в течение определенных временных интервалов слышать происходящее вокруг этого технического устройства – т.е., как презюмируется, около ребенка, – делать соответствующие аудиозаписи и передавать их на техническое устройство данного родителя. При этом для того, чтобы воспользоваться такими функциями, не требуется придавать этим программным средствам или техническим устройствам, на которых они устанавливаются, дополнительные свойства: пользователи (родители) всего лишь следуют инструкциям, которые размещают правообладатели и распространители данных программных средств и которые нередко содержат предупреждения о недопустимости их использования в противоправных целях.

Использование таких программных средств действующим правовым регулированием не запрещено и не ограничено. Они свободно распространяются на рынке мобильных приложений (в соответствующих онлайн-магазинах). Поэтому сами по себе приобретение (скачивание), установка на технические устройства и использование таких программных средств для целей осуществления родительского контроля в интересах безопасности ребенка не могут в системе действующего регулирования

считаться противоправными, что, однако, не исключает того, что при их противоправном использовании (т.е. использовании не по прямому назначению) они становятся орудиями (средствами) совершения административных правонарушений и преступлений.

Использование родителем такого программного средства в любом случае означает, по существу, собирание информации об отдельных аспектах частной жизни самого ребенка – который отнюдь не всегда проинформирован об этом и дал на это свое осознанное согласие, – как предполагается, по мотивам заботы о ребенке, о его безопасности и для целей воспитания (тем более когда ребенок, как в деле заявителя, достиг лишь семилетнего возраста). Возникающие в этой сфере конфликты между родителем и ребенком, которые могут иметь место по мере осознания ребенком автономности своей личности, при взрослении неизбежно расширяющейся, решаются преимущественно в рамках их межличностных (внеюрисдикционных) отношений.

Что же касается соотношения прав родителя, с которым ребенок постоянно проживает, и возможностей другого родителя по использованию им таких программных средств, то пункт 2 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации – согласно которому все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей, а родители (один из них) при наличии разногласий между ними вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства или в суд – создает правовую основу для рассмотрения в гражданско-правовом порядке возможных споров, в том числе при несогласии родителя, с которым проживает ребенок, с планируемым или уже имеющим место использованием соответствующего программного средства родителем, который не проживает с ребенком (как и при несогласии последнего с использованием другим родителем такого программного средства в период его общения с ребенком).

4.2. Использование на техническом устройстве открыто распространяемого программного средства родительского контроля с функциями прослушивания происходящего и осуществления соответствующей аудиозаписи предполагает или, во всяком случае, допускает, что под действие этих функций попадает не только сам ребенок, но и неопределенный круг лиц, а прежде всего – родитель, с которым ребенок постоянно проживает, либо при использовании такого программного средства именно этим родителем – родителем, с которым ребенок общается (у которого находится определенное время), а также другие члены их семей. Сбор информации о ребенке в форме прослушивания и (или) аудиозаписи происходящего вокруг него по своему характеру не может не затрагивать прав и законных интересов лиц, с ним взаимодействующих или находящихся в одном пространстве, при этом фактически носит для них негласный (скрытый) характер. В том числе в ходе восприятия соответствующих звуков (их записи) родителю ребенка объективно может становиться доступной не только информация в отношении самого ребенка, но и информация о частной жизни других лиц, их личной и семейной тайне. В связи с этим использование программного средства родительского контроля хотя и направлено на защиту интересов ребенка, но объективно (в силу технических особенностей его функционирования) создает и определенную угрозу охраняемым Конституцией Российской Федерации правам и законным интересам других лиц.

В то же время баланс права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, с одной стороны, и родительских прав и обязанностей по обеспечению безопасности и законных интересов ребенка, в том числе с использованием не запрещенных законом информационных технологий, с другой стороны, не может считаться нарушенным в рассматриваемом в настоящем деле аспекте – с учетом особой конституционной ценности детства, воспитания и развития детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики России (статья 7, часть 2; статья 38, части 1 и 2; статья 55, часть 3; статья 67¹, часть 4; статья 72, пункт

ж¹ части 1 Конституции Российской Федерации), – когда в ходе использования программного средства родительского контроля соответствующему родителю становятся, при отсутствии у него таких намерений, доступными сведения о частной жизни других лиц (в том числе другого родителя ребенка), составляющие их личную или семейную тайну, притом что эти сведения не использованы для причинения им вреда и не допущено их умышленного распространения. То обстоятельство, что в ходе такого использования программного средства в интересах обеспечения безопасности ребенка родителю стали известны сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, само по себе не свидетельствует о наличии состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации, если отсутствует прямой умысел на собирание таких сведений (их целенаправленное добывание).

При этом даже систематическое использование доступного и не запрещенного законом программного средства родительского контроля, в том числе после возникновения указанных обстоятельств, с учетом естественного родительского стремления убедиться в том, что ребенку в конкретный момент не угрожает опасность, само по себе – если не имеет места целенаправленное добывание таких сведений – не может быть истолковано как свидетельствующее о перерастании такого получения информации в умышленное собирание сведений о частной жизни, влекущее применение части первой статьи 137 УК Российской Федерации. По смыслу же правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятных правовых последствий, тем более в форме уголовной ответственности (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П).

Как следует из статей 49, 50, 52, 54 и 64 Конституции Российской Федерации, принципы презумпции невиновности и виновной ответственности, т.е. наличия доказанной вины как необходимого элемента субъективной стороны состава преступления, являются общепризнанными

принципами привлечения к уголовной ответственности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 25 апреля 2018 года № 17-П и от 24 мая 2021 года № 21-П). Уголовный кодекс Российской Федерации исходит из того, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (часть первая статьи 5), и определяет в качестве основания уголовной ответственности совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8), а в качестве преступления – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное им под угрозой наказания (часть первая статьи 14), а также устанавливает, что преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (часть вторая статьи 25).

Статья 137 УК Российской Федерации, подлежащая применению в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с нормами Общей части этого Кодекса, не предполагает наступления ответственности без установления судом на основе оценки фактических обстоятельств конкретного дела – в том числе с учетом распространенности и общедоступности программных средств родительского контроля – прямого умысла, направленного именно на негласное и целенаправленное собирание сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну других лиц.

Тем не менее ни правовой статус родителя несовершеннолетнего ребенка, включая наличие у него прав и обязанностей по отношению к нему, ни отсутствие нормативно установленных прямых запретов и ограничений на применение программных средств родительского контроля не могут быть основанием для выхода за разумные пределы использования такого рода

программных средств с учетом их возможности негласного собирания и фиксации информации, которые объективно создают угрозу конституционным правам и свободам других лиц и охраняемым публичным интересам. Соответственно, если будет установлено, что использование программного средства родительского контроля не только ситуативно (пусть и неоднократно) дало или могло дать доступ к информации о частной жизни других лиц, составляющей их личную или семейную тайну, но и преследовало цель собирания именно такой информации, что подтверждено надлежащими доказательствами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, то имеются в отсутствие исключających привлечение к уголовной ответственности обстоятельств основания для применения части первой статьи 137 УК Российской Федерации.

5. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что конституционным признанием ценностей семьи, материнства, отцовства, детства определяются, в частности, характер и содержание правового регулирования в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних. Государство должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, с тем чтобы обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях (постановления от 18 июля 2013 года № 19-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; Определение от 26 марта 2020 года № 550-О).

Родитель может предполагать риски для безопасности ребенка не только в конкретных и быстро проходящих событиях, для реагирования на которые в основном и предназначены программные средства родительского контроля, но и в целом в той обстановке, в которой ребенок, в силу возраста не способный самостоятельно защитить свои интересы, проживает и воспитывается (точно так же, как и родитель, с которым этот ребенок

постоянно проживает, может испытывать аналогичные опасения при общении ребенка с другим родителем). Неблагоприятное воздействие на ребенка – особенно если оно осуществляется в домашних условиях – отличается высокой степенью латентности, с одной стороны, и высокой степенью опасности отдаленных последствий, обусловленных влиянием как на физическую неприкосновенность ребенка, так и на его формирующуюся психику, в том числе если имеет место длительное (систематическое) невыполнение одним из родителей обязанностей по воспитанию ребенка или использование недопустимых методов такого воспитания, с другой стороны.

При таких обстоятельствах родитель в ситуации, которую он субъективно оценивает как представляющую реальную угрозу для интересов его ребенка, достаточно ограничен в выборе способов установления и подтверждения ненадлежащего характера поведения по отношению к ребенку других лиц для последующего принятия своевременных и необходимых мер. Так, например, обращение в правоохранительные органы будет иметь эффект скорее в том случае, когда речь идет о посягательстве на физическую неприкосновенность ребенка, причем содержащем признаки преступления. В случае же, когда возможная угроза связана с психическим насилием (воздействием на психику ребенка) – тем более когда такое воздействие имеет скрытую или завуалированную форму, а его негативные проявления могут иметь отложенный характер, – для эффективного обращения в орган опеки и попечительства или в суд, предусмотренного для таких случаев Семейным кодексом Российской Федерации (статья 56 и пункт 2 статьи 65), при определенных обстоятельствах может требоваться подтверждение конкретными данными опасений относительно обеспечения надлежащей заботы о ребенке, его физической и психологической безопасности и условий, в которых он живет и воспитывается.

При этом, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в системе действующего правового регулирования само по себе обращение в государственный орган (орган местного самоуправления), а тем более в суд – даже с учетом возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с

которыми связана содержащаяся в обращении информация, – будучи конституционно необходимым средством защиты частных и публичных интересов, обусловленным целью получения содействия в реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как неправомерное распространение (разглашение) информации (определения от 5 декабря 2019 года № 3272-О и от 26 марта 2020 года № 540-О).

Соответственно, предполагаемая неэффективность иных действий в интересах несовершеннолетнего ребенка в ситуации, которую родитель может субъективно оценивать как представляющую существенные риски для его безопасности вследствие определенного поведения в отношении него лиц, с которыми проживает (общается) ребенок, способна создать предпосылки для собирания таким родителем сведений о возможных угрозах для него, в том числе исходящих от конкретных лиц, с использованием программного средства родительского контроля. Объективно это не может не затрагивать прав и законных интересов этих лиц, поскольку собранные сведения о взаимоотношении их с ребенком практически неотделимы – как в техническом, так и в содержательном плане – от сведений об их частной жизни, в том числе составляющих их личную и семейную тайну. Поэтому собирание таких сведений может формально образовывать признаки состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Поскольку уголовное

законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П, от 13 ноября 2023 года № 52-П и др.).

Уголовный закон предусматривает, в частности, специальные обстоятельства, которые исключают уголовную противоправность деяний. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, регламентация в главе 8 УК Российской Федерации обстоятельств, исключающих преступность деяния, призвана не допустить уголовной ответственности за правомерные действия. Наличие признаков такого поведения не предполагает его оценку как общественно опасного и образующего состав преступления даже в случае причинения вреда правам других лиц, иным охраняемым законом интересам, если при этом не допущено причинения излишнего вреда или иного нарушения законодательно определенных условий правомерности (Определение от 28 сентября 2021 года № 2058-О).

Однако ни одно из перечисленных в уголовном законе обстоятельств не предназначено для исключения наступления уголовной ответственности в рассматриваемой ситуации. В частности, практически невозможно применение наиболее универсального из них института крайней необходимости, в отношении которого Президиум Верховного Суда Российской Федерации допускает, что ситуации, связанные с причинением вреда в состоянии крайней необходимости, могут возникать в рамках общественных отношений, обеспечивающих различные конституционные права и свободы человека и гражданина (раздел 4 Обзора практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской

Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, утвержденного 22 мая 2019 года). Согласно статье 39 УК Российской Федерации не признается преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и не было допущено превышения пределов крайней необходимости, каковым признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Установление же соотношения реального вреда, причиняемого праву на неприкосновенность частной жизни, с предотвращаемым вредом правам и законным интересам ребенка – который нередко носит отложенный и трудно прогнозируемый характер – в большинстве случаев практически невозможно.

Кроме того, субъективная оценка родителем ситуации, повлекшей собирание сведений с использованием соответствующего программного средства, как несущей в себе угрозы для ребенка может не соответствовать действительности, в том числе быть спровоцирована обостренным чувством родительской заботы. Однако, если данная ситуация рассматривается родителем как представляющая угрозу для физической неприкосновенности ребенка или его формирующейся психики с достаточной степенью обоснованности (не исключая и указанного добросовестного заблуждения), это не может не учитываться при уголовно-правовой оценке соответствующего деяния. Иное не согласовывалось бы с целями конституционно-правового закрепления приоритетности детей в государственной политике России (статья 38, части 1 и 2; статья 67¹, часть 4, Конституции Российской Федерации), а также с критериями соразмерности ограничения прав (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

6. Таким образом, часть первая статьи 137 УК Российской Федерации, изложенная в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она в системе действующего правового регулирования не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего ребенка к уголовной ответственности за использование программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, позволяющего в течение определенных временных интервалов слышать происходящее в непосредственной близости от ребенка, получать соответствующие аудиозаписи и хранить их на техническом устройстве данного родителя, в результате чего ему становятся доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, если такое программное средство и полученные с его помощью сведения используются им исключительно в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности несовершеннолетнего ребенка.

Защита же прав лиц, сведения о частной жизни которых, составляющие их личную или семейную тайну, стали доступными родителю ребенка посредством использования программного средства родительского контроля, может гарантироваться путем ограничения распространения полученной (собранной) информации, в том числе и через механизмы ответственности именно за незаконное распространение полученных сведений, предусмотренной частью первой статьи 137 УК Российской Федерации. При этом, однако, с учетом изложенных в настоящем Постановлении правовых позиций незаконным распространением таких сведений не может быть признано их предоставление для защиты интересов ребенка в суд или иной государственный или муниципальный орган в рамках реализации родительских прав.

Содержащиеся в настоящем Постановлении правовые позиции не исключают решения законодателем вопроса о допустимости и пределах использования программных средств родительского контроля, при помощи которых пользователю могут стать доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну. Также они не могут

быть использованы в рамках рассмотрения гражданско-правовых споров для обязанности одного родителя удалить (не удалять) программные средства родительского контроля, а также для решения вопроса о наличии оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности в связи с их использованием, поскольку такого рода отношения не являлись непосредственным предметом рассмотрения в данном Постановлении. Равным образом сами по себе они не могут рассматриваться и как дающие основания для освобождения от уголовной ответственности, если в обозначенных целях и при описанных условиях родителем несовершеннолетнего ребенка для собирания сведений незаконно использовались ограниченные в обороте специальные технические средства и программы, предназначенные для негласного получения информации.

Судебные решения, вынесенные по делу П.О.Вильке на основании части первой статьи 137 УК Российской Федерации, изложенной в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, подлежат пересмотру в установленном порядке. В силу пункта 5 части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пересмотру также подлежат решения по делам иных лиц, привлеченных к уголовной ответственности по части первой статьи 137 УК Российской Федерации в указанной редакции в связи с использованием ими как родителями несовершеннолетних детей программных средств родительского контроля, при помощи которых им стали доступны сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 137 УК Российской Федерации, изложенную в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря

2003 года № 162-ФЗ, не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она в системе действующего правового регулирования не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего ребенка к уголовной ответственности за использование программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, позволяющего в течение определенных временных интервалов слышать происходящее в непосредственной близости от ребенка, получать соответствующие аудиозаписи и сохранять их на техническом устройстве данного родителя, в результате чего ему становятся доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, если такое программное средство (мобильное приложение) и полученные с его помощью сведения используются им исключительно в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности несовершеннолетнего ребенка.

Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части первой статьи 137 УК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

2. Судебные решения, вынесенные по делу гражданина Вильке Павла Олеговича на основании части первой статьи 137 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 2-П